

Голос Ду Ицзэ внезапно оборвался. Ли Миньюй обернулся и увидел на лице друга растерянное выражение. Ду Ицзэ на мгновение замер, глядя на ослепительно яркое золотистое солнце, а затем, пожав плечами, с наигранной лёгкостью произнёс:

— Я просто говорю, я ведь обычный человек.

Ли Миньюй не ожидал, что в голове Ду Ицзэ зреют такие грандиозные планы, и тихо пробормотал:

— Обычные люди тоже неплохи...

— А ты разве никогда не задумывался, кем хочешь стать, когда вырастешь?

Ли Миньюй сглотнул. Конечно, он думал о будущем. Он мечтал открыть вонтонную лавку, купить матери телевизор и найти жену, похожую на хозяйку вонтонной лавки, которая работает с утра до вечера. Эти мечты казались ему уже недостижимыми, но когда он сравнивал их с планами Ду Ицзэ, ему становилось стыдно за себя.

Он лишь пренебрежительно махнул рукой:

— Не думал! И зачем? Только время тратить. Да и разве это просто так осуществить?

Мечты о жизни, конечно, не воплощаются просто так, даже если кто-то прикладывает все силы.

За месяц до выпускных экзаменов Матушка Ду целыми днями твердила Ду Ицзэ, что не стоит слишком переживать, что ничего страшного, если он не поступит, что раньше начать работать даже лучше, чем учиться.

Ду Ицзэ понимал, что скрывалось за этими словами, но ничего не говорил. На протяжении всего последнего года школы он после уроков не возвращался домой, а сидел на деревянной скамейке у входа в лавку, делая домашнее задание. Ли Миньюй иногда присоединялся к нему, чтобы списать пару строк, но вскоре понял, что Ду Ицзэ действительно усердно учится, и перестал отнимать у него время. Ду Ицзэ брал у владельца лавки недогоревшие свечи, чтобы читать ночью, а по выходным помогал ему считать выручку в качестве благодарности. За триста шестьдесят пять дней он ни разу не спал больше шести часов.

Усердие не осталось без награды: Ду Ицзэ сохранил первое место в классе, поступил в престижную старшую школу и получил статус особо нуждающегося ученика. Благодаря отличным оценкам школа освободила его от платы за обучение и даже выделила стипендию.

Имя Ду Ицзэ снова использовали для рекламы школы, рядом с его фотографией, на которой директор вручал ему стипендию. На фото жирная правая рука директора лежала на его плече. Несколько соседей, чьи семьи были чуть зажиточнее, не пожалели денег на корзину яиц, чтобы попросить Матушку Ду поделиться секретами воспитания. Та лишь весело смеялась:

— Я, в общем-то, особо не занималась им, просто проверяла домашние задания и смотрела его экзаменационные работы.

— Значит, ваш сын сам постарался, ему не нужно было ваше вмешательство! В отличие от моего, который целыми днями только и знает, что играет!

— Ах, все мальчики такие! Мой тоже любит побаловаться. Подождите, я позову его, а то он целыми днями сидит в комнате...

Ду Ицзэ провёл очень спокойное лето, но для его семьи этот год выдался непростым.

Матушка Ду узнала об измене Отца Ду.

Как именно она это обнаружила, Ду Ицзэ уже не помнил. Он лишь запомнил, как однажды, вернувшись домой после работы в лавке, увидел своих родителей, сцепившихся на полу, как две мохнатые крысы, с криками и визгом. Он едва переступил порог, но тут же сделал шаг назад и, словно ничего не произошло, пошёл стучаться в дверь Ли Миньюя, чтобы позвать его погулять.

Ду Ицзэ угостил его бутылкой холодной газировки. В знойный летний день, когда листья на деревьях уже начали желтеть и вянуть, они прятались в тени, гоняясь за двумя кошками, держа в руках зелёные стеклянные бутылки, ладони которых были прохладными и приятными. Ли Миньюй делал несколько шагов, прежде чем отпить глоток напитка, а затем с удовольствием облизывал губы.

После того как глоток жгучей газировки прошёл вниз, Ли Миньюй сказал:

— Этот чёртов директор, говорят, уезжает за границу.

Ду Ицзэ лишь буркнул:

— Ага.

— Ты не злишься?

— Злость не изменит ситуацию, — ответил Ду Ицзэ. — Это лишь покажет мою беспомощность.

Ли Миньюй, заметив, как улыбка зажмурила глаза друга, спросил:

— Почему ты сегодня такой радостный?

— Скоро я уеду отсюда. Наконец-то я смогу уехать отсюда.

Поскольку Ду Ицзэ учился в школе-интернате, Ли Миньюй редко видел его дома. Когда тот иногда возвращался, Ли Миньюй всегда тянул его, чтобы тот рассказал о девушках из столицы.

Ду Ицзэ, конечно, не мог познакомить его с кем-то. Хотя он и жил в столице, школа была строго военизированной, и даже по выходным нужно было подавать заявление, чтобы выйти за пределы кампуса. У него не было ни времени, ни возможности для развлечений, поэтому круг его общения был крайне ограничен.

Большинство одноклассников происходили из более обеспеченных семей, поэтому, следуя принципу «живи и давай жить другим», Ду Ицзэ не ссорился ни с кем, но и близких друзей у него не было.

Он больше не был лучшим учеником, его оценки колебались в середине списка, и он больше не привлекал внимания учителей.

К тому времени Ду Ицзэ уже вырос в высокого юношу с чёткими чертами лица и уверенным взглядом.

— Я буду жить лучше всех.

Соседи знали, что Ду Ицзэ обязательно добьётся успеха. Он был отличником, целеустремлённым, и после окончания старшей школы его приняли в Полицейскую академию.

К тому времени Ли Миньюй уже бросил учёбу. Он пришёл к Ду Ицзэ в школу, и они сидели у входа в закусочную на ресторанной улице, болтая. Ли Миньюй спросил:

— Почему ты решил стать полицейским?

Ду Ицзэ открыл банку пива и сделал большой глоток:

— Хорошие льготы, стабильная работа. Разве не здорово?

— Так и ты захотел заполучить железную миску риса! — Ли Миньюй стукнул своей банкой по банке друга. — Ничего, ты всё равно сможешь изменить мир!

— Да брось ты, не смейся надо мной, — Ду Ицзэ ковырялся в тарелке с соевыми бобами. — А ты как, как дела?

— Какие дела? Всё как всегда, просто пытаюсь прокормиться. — Ли Миньюй чмокнул губами.
— Не то что ты, будущий офицер Ду. Я даже миски риса не вижу.

Это была их последняя встреча в юности. После этого их жизни кардинально изменились. Но даже в этот последний раз они не сказали друг другу всей правды. Жизнь Ду Ицзэ после выпускных экзаменов внезапно свернула на неожиданный путь. Он не выбрал поступление в

престижный университет, что означало бы повторение прошлого: снова подавать заявку на стипендию для нуждающихся и снова прожить четыре года той же жизни.

Учёба в университете означала бы дополнительную финансовую нагрузку на семью и необходимость сдавать экзамены на госслужбу. Отец Ду сказал ему:

— Если ты пойдёшь в университет, то должен сдать экзамены на госслужбу.

Он ткнул пальцем в лицо Ду Ицзэ, его лицо исказилось, голос поднялся на восемь тонов. Если бы кто-то стоял внизу, то явно услышал бы его крик:

— Госслужба неинтересна? А что тогда интересно? Ты, неблагодарный, не знаешь, что такое трудности, голод! Ты ничего не понимаешь! Разве мы желаем тебе зла?

Видимо, подростковый бунт Ду Ицзэ наконец наступил. Он подал документы в Полицейскую академию, так как обучение там оплачивалось государством.

На самом деле он не ненавидел госслужбу, не ненавидел обычную, предсказуемую жизнь. Он просто ненавидел свою семью, а вместе с ней и весь мир, который она так стремилась ему навязать.

Прямым результатом этого бунта стала очередная драка с отцом. Но теперь он мог ловить летящую в него скалку и, получив удар ремнём, спокойно бить по запястью противника. В результате драки Ду Ицзэ почти не пострадал, зато отец дважды упал.

Отец Ду, опираясь на край стола, с отчётливо выделяющимися венами на руке, держащей ремень, полуопустив голову и косо глядя на сына, произнёс:

— Я старый, уже не могу с тобой драться.

<http://bllate.org/book/15266/1347228>